

*Александр Маркович Шахнарович
(03.11.1944 – 05.02.2001)*

3 ноября исполнилось бы 75 лет Александру Марковичу Шахнаровичу. Он ушел очень рано, в 56 лет, уже 18 лет тому назад. И мало осталось тех, кто, посмотрев на эту фотографию, скажет: «Я бывал в этом кабинете и помню его хозяина именно таким!» Но остались научные идеи, книги и статьи, остались ученики.

Остались еще и друзья, над памятью которых время не властно!

Вечная память!

ПАМЯТИ ДРУГА

Мощинская Наталья Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
125413, Москва, Онежская ул., д.32/72, кв.58
nataliamosch@mail.ru

IN MEMORY OF MY FRIEND

Natalia V. Moshchinskaya

Candidate of Philology, Associate Professor
58, 32/72 Onezhskaya str., Moscow, 125413

Прошло уже 18 лет, как ушел из жизни А.М. Шахнарович.

Вероятно, каждый из тех, в чьей душе его кончина отозвалось острой болью, вспоминает о нем по-своему.

Наша первая встреча произошла 55 лет назад, когда Александр Маркович Шахнарович, тогда просто Саша, вернулся из армии на второй курс факультета русского языка и литературы Московского государственного педагогического института имени В.И. Ленина. Его мама, Юлия Давидовна, которая всегда воспитывала в сыне целенаправленность и стойкость духа, позже рассказывала, что армия не сделала Сашу суровым и жестким, какими обычно возвращаются молодые люди после воинской службы. Наоборот, он стал более терпимо и снисходительно вести себя с близкими. Я была свидетелем того, как бережно, с какой нежностью он относился к Юлии Давидовне.

В армии началась его общественная деятельность: он был там комсоргом.

В институте для нас, совсем еще наивных студентов, Саша, прошедший «школу жизни» в армии, был надежной опорой: он взял на себя обязанность помогать всем, кому это требовалось, любил и мог разяснить все, что было непонятно в этом новом для нас мире постижения педагогической профессии. С юности Саша был исключительно начитан сам и высоко ценил интеллигентность и образованность в других. Он обладал явной склонностью к теоретизированию, умению выстраивать логические системы. Расширяя круг своих интересов, он стал ходить на семинары Московского методологического кружка под руководством Г.П. Щедровицкого.

Размах творческих запросов Александра был широк и разнообразен. На последнем курсе он стал директором Рабфака, на котором на общественных началах преподавали студенты разных факультетов. На Рабфаке было подготовительное отделение, готовившее абитуриентов (пионервожатых, воспитателей детских садов и др.) к поступлению в МГПИ, и отделение экстерна, где студенты помогали рабочим подготовиться к экзаменам на аттестат зрелости. Лидерские качества А.М. Шахнаровича позволили создать единую систему, которая объединяла более 1000 слушателей и около 200 студентов-преподавателей.

Практические знания и умения, приобретаемые студентами во время работы с рабфактовцами, были необходимы будущим учителям, формировали нашу профессиональную компетенцию. Бесконечные дискуссии на студенческих посиделках, проходивших после окончания занятий, были посвящены поискам наиболее действенных приемов

работы, обсуждению учебных материалов. Эти дискуссии могли бы и не иметь большой практической ценности, если бы не способность Саши направить обсуждения по нужному руслу, извлечь разумное зерно из споров, быстро и правильно принимать решения.

После окончания института мы продолжали дружить семьями. И хоть мы трудились в разных институтах (Александр Маркович в Институте языкознания, я в МГПИ им. Ленина), пути наши часто пересекались. Он всегда готов был радоваться удачам друзей, в любое время приходил на помощь и, что не менее важно, ждал этого же от нас. Когда того требовала ситуация, он бывал строг и требователен, особенно к друзьям. А.М. Шахнарович был настоящим интеллигентом в самом высоком понимании этого слова и настоящим другом, с ним рядом было спокойно и надежно.

В 80-90-х годах мы вместе работали на интенсивных курсах для преподавателей русского языка школ Болгарии, Венгрии, а также на курсах по профессиональному общению ученых Германии. Мне довелось быть свидетельницей того, как проявлялся педагогический талант Александра Марковича. Блестящий теоретик, он реализовывал многие свои идеи на практике. Для меня было чрезвычайно интересно и полезно бывать на его занятиях, посещать лекции, которые он читал для иностранцев. Обучение на курсах проводилось по принципу погружения в языковую среду и осуществлялось как в аудиторные, так и во внеаудиторные часы. Александр Маркович был доступен для слушателей в любое время, с ним можно было дискутировать, разговаривать подолгу и обо всем на свете. Он умел слушать и старался правдиво отвечать на бесконечные вопросы о том, что происходило и происходит в нашей стране. Слушатели были покорены его незаурядной эрудицией и вместе с тем непосредственностью и человечностью. Его образцовая, корректная, и в то же время живая, очень образная речь захватывала и увлекала.

Когда в 1984 году я стала зав. секцией русского языка кафедры иностранных языков АН СССР (в то время кафедра еще не была присоединена к Институту языкознания), мы с Александром Марковичем стали не только дружить, но и более тесно сотрудничать.

В 1985 году нами совместно было подготовлено выступление на конгрессе МАПРЯЛ в Берлине, а начиная с 1987 г. вместе с А.М. Шахнаровичем я была ответственным редактором серии сборников под общим названием «Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного», которые издавались Институтом языкознания и Кафедрой иностранных языков. Сборники были посвящены актуальным проблемам лингвистического описания русского языка как учебного предмета в ситуации обучения русскому языку иностранцев и носителей национальных языков страны. В них были названы три подхода к обучению, взаимно дополняющие друг друга. «Первый – с позиции коммуникативной лингвистики, когда языковые единицы анализируются в аспекте их потенциальной способности удовлетворять коммуникативную потребность говорящего; второй подход предполагает анализ форм в зависимости от функций, которые они исполняют, т.е. функциональное представление языковых единиц; и третий, психолингвистический подход, описывающий систему действий, которыми должен овладеть учащийся, чтобы была полностью реализована коммуникативная задача с использованием тех средств, которыми учащиеся владеют». Было издано несколько сборников: «Актуальные проблемы обучения общению»; «Устная научная речь»; «Текст: структура и анализ»; «Текст и обучение языку» и др.

Работая с автором статьи, предназначенной к печати, Александр Маркович, у которого на учете была каждая минута, очень внимательно, не считаясь со временем, разбирал и анализировал материал. Он умел найти верный тон, и если подвергал какую-либо работу критике, то она всегда имела конструктивный характер и не могла обидеть автора. Я не раз испытала это на себе, в частности, когда Александр Маркович в качестве ответственного редактора читал пособия, подготовленные секцией русского языка кафедры иностранных языков.

Нельзя не заметить, что наука для Александра Марковича была не просто работой, а образом жизни. Он был отзывчив на самые разные предложения, быстро входил в любую новую для него проблему. Когда в 1991 году поступил госзаказ на создание учебного комплекса по русскому языку для солдат, слабо владеющих русским языком, Александр Маркович, понимая актуальность поставленной задачи, возглавил коллектив авторов, куда входили сотрудники ИЯз РАН и преподаватели КИЯ. Специфика установок и ситуаций, в которых оказались наши учащиеся, требовали особого подхода к создаваемым учебным материалам.

Материалы учебника и пособий апробировались авторами на занятиях в воинских частях. Приходя в стройбат, я видела, как беспомощны молодые ребята, прибывшие в Москву из самых далеких аулов и аилов и не понимающие ни командиров, ни своих товарищей, говорящих на русском языке. Они попадали в полную зависимость от «стариков» второго года службы и хотели как можно быстрее овладеть русским языком, к изучению которого некоторые из них только прикоснулись в школе. Следует отметить, что намеченная Александром Марковичем стратегия обучения, опирающаяся на психологическую трактовку процесса порождения речи, оправдывала себя, она открывала новые пути построению обоснованного учебного комплекса. Наш руководитель требовал от нас осмысления с психолингвистических позиций каждого отдельного приема, способа, речевого или умственного действия, упражнения и т.п. Госзаказ был выполнен (написан «Учебник русского языка для солдат, слабо владеющих русским языком», созданы методические указания для преподавателей, пособие по развитию навыков устной речи, справочники и словари), но в связи с распадом Советского Союза материалы не были изданы.

Александр Маркович говорил, что никакая работа не может пропасть даром. Он был большим оптимистом, считал, что в любом деле надо идти до конца. От него всегда можно было получить заряд уверенности в собственных силах.

В заключение хочу сказать о том, что рядом с Александром Марковичем были три замечательные женщины: мама Юлия Давидовна Вейс, его первая жена Елена Иосифовна Негневицкая, советчик, соратник, соавтор нескольких статей и книги «Язык и дети», в которой впервые была сформулирована концепция развития детской речи, и вторая жена Наталья Николаевна Шахнарович, сумевшая создать мужу в последние годы его жизни комфортные условия. Обе семьи периодически встречались, когда Елена Иосифовна приезжала из Израиля в Москву для проведения семинаров по обучению дошкольников английскому языку или когда Александр Маркович и Наталья Николаевна ездили в Израиль. Эти встречи Александр Маркович очень любил.

Когда уходит из жизни друг, который был рядом на протяжении почти всей сознательной жизни, остро осознаешь его незаменимость. Я ощущаю и буду ощущать до конца своих дней утрату такого друга, каким был для меня Александр Маркович Шахнарович.